

ЛАДА ЛУЗИНА

Киевские ведьмы
Никола Мокрый

CF FOLIO

Киевские ведьмы

Лада Лузина

Никола Мокрый

«Фолио»

2011

Лузина Л.

Никола Мокрый / Л. Лузина — «Фолио», 2011 — (Киевские ведьмы)

"Три молодые женщины-киевлянки неожиданно приняли от умирающей ведьмы Кылыны ее дар. Как же они сумеют распорядиться им? Ведь они такие разные: студентка исторического факультета Маша Ковалева, железная бизнес-леди Катерина Дображанская и уволенная из ночного клуба безбашенная певица – Даша Чуб, по прозвищу Землепотрясная. По воле или против нее, им пришлось стать Киевицами – хранительницами Города Киева – и каждую ночь дежурить на Старокиевской горе в ожидании удивительных или ужасных событий... Действие повести происходит после историй, описанных в Романах "Киевские ведьмы. Меч и Крест", "Киевские ведьмы. Выстрел в Опере" и "Киевские ведьмы. Рецепт Мастера" и повести "Принцесса Греза".

© Лузина Л., 2011

© Фолио, 2011

Лада Лузина Никола Мокрый

*Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит он
полные воды свои... Когда же пойдут горами по небу синие тучи, и
молния, изламываясь между туч, разом освещает целый мир – страшен
тогда Днепр...*

Н.В. Гоголь

Запорожье, 1941 год

*«На том и прощаюсь, дорогая мама. Надеюсь, еще увидимся, а если
нет...»*

Простой карандаш в руке светловолосого молодого солдата замер, Николай поправил воротник гимнастерки, с тоской посмотрел на широкий и сильный Днепр, на гордость Советского Союза красавец Днепрогэс имени Ленина... Снаряды градом летели через плотину. Танки противника были уже на том берегу, враг прорвался на остров Хортица. А на их берегу стояли заводы, там лили алюминий и сталь для оружия, там решались судьбы войны. И утром он сам слышал, как командир сказал: сдавать их нельзя, на эвакуацию нужно время. А до тех пор нужно отстоять Запорожье любой ценой. Осталось смириться, что частью этой цены станет его 22-летняя жизнь. Хоть смириться со смертью в 22 года было так же трудно, как поверить в нее. Так же трудно, как написать маме правду.

Помедлив, он высвободил из ворота цепь со старым и темным медальоном, отмеченным красным камнем. Медальон дала ему мама. Он хотел открыть его, но не открыл. Он вдруг подумал, что если откроет и увидит лицо матери, то точно не сможет... не сможет так просто и ясно сказать: «Я тоже готов погибнуть за Родину». Он знал, что сегодня днем неприятель смял в кашу шестую и третью батарею 16-го зенитно-артиллерийского полка. Знал Алешу из третьей – одного из двух сотен, ценой собственной жизни подаривших городу лишних десять часов... Знал, что их батарея будет следующей.

Он совсем уж собрался с духом, чтоб завершить печальную строчку, как вдруг ощутил, что стало странно, неестественно тихо. Николай поднял голову и увидел, что по плотине

движутся гитлеровцы... А затем почувствовал, как земля под ним дрогнула, покачнулась под ногами.

Над Запорожской дамбой встал огромный черный гриб взрыва. Солдат увидел, как одна из машин, еще секунду назад спешившая через дамбу, летит вниз – перевернувшись в воздухе, небольшой грузовик с брезентовым кузовом рухнул в Днепр. За ним посыпались другие машины.

Солдату казалось, что все происходящее происходит невыносимо медленно, вынуждая его переживать каждую долю секунды.

Он видел, как из машин на лету вываливались люди, как дым от взрыва осел, полукруглая плотина Днепрогэс улыбнулась страшным оскалом чудовища, лишившегося передних зубов и намеревающегося немедля отомстить за свой позор. А из образовавшейся прорехи медленно вставала громадная 30-метровая волна. Вставала, как сама война, как сама смерть...

Николай понимал, что это бессмысленно, что его письмо уже никогда не достигнет адресата, но быстро, очень быстро перечеркнул последнюю строчку и нацарапал спотыкающимся почерком:

«Прощай, мама, я не вернусь».

А волна-смерть уже неслась вперед, со скоростью в десятки километров в минуту заглатывая в огромное брюхо движущиеся по Днепру лодки, суда и их команды, смывая нижнюю часть Запорожья, хозяйственные постройки, дома и людей, смывая расположенные ниже деревни, сотни голов лошадей, овец и коров, днепровские плавни и укрывшихся в них подразделения фашистов, их переправы и вооруженье, смывая с лица земли подступившего к Запорожью противника, сметая целые дивизии врага... и не различая своих и врагов.

* * *

– Все... Прощай. Я уйду. – Мирослав говорил нервно и скупно. Он не смотрел на Машу.

– Да... – Она тоже смотрела не на Мира – на шумную, заполненную машинами Набережно-Крещатицкую улицу, на старые подольские дома и воспарившую в небе над ними Андреевскую церковь – куда угодно, но не на него.

– Так будет лучше, – сказал он.

– Да, – глухо повторила она.

– Прощай.

– Да.

– Я иду.

– Да. Иди.

Но он все стоял. В волнах солнца нежился большой, ласковый, неповоротливый Днепр и Труханов остров, усеянный голыми пляжниками, как банка варенья летнею мошкаррой. Но Мир не видел их, созерцая нечто темное, мутное внутри себя:

– Прости, что бросаю тебя...

– Я знала, рано или поздно это должно случиться. Ты устанешь. Ты больше не сможешь терпеть.

– Впрочем, ты ведь не будешь одна, – Мир не хотел, чтоб слова прозвучали с упреком, но так, как хочется, получается далеко не всегда. Он быстро обернулся назад и увидел то, что и ожидал, – на верхнем зубце вросшего в днепровскую набережную готического здания столетней Насосной станции сидел черный ворон.

– Я сделала свой выбор, – сказала Маша. – Ты тоже. Иди.

Мир быстро отвернулся от ворона:

– Все равно, если что-то случится, тебе достаточно произнести мое имя. И я вернусь.

– Я не произнесу его. Обещаю. Знаешь пословицу... Уходя – уходи. Иди.
Не стой. Уходи. И прощай.

Все так же, не поднимая глаз, Маша резко, словно бы отрезая себя от него, развернулась на пятках и, пройдя чрез короткий мостик, вошла в стройную, похожую на крепость-башню, стоящую на воде церковь Николая Мокрого... Она так и не увидела, как Мир Красавицкий растаял в золоте июньского дня.

* * *

Киев, 1823 год

– Вибач, що кидаю тебе, Марічко... Що ж... Ворон потурбується про тебе.

– Я розуміла, що рано чи пізно це станеться, княже... ти покинеш мене. Иди. Не стій. Прощавай, – резко, словно бы отрезая себя от него, полногрудая Маричка развернулась на каблуках красных сапожек и запела.

Из-за грубовато нарисованного на холсте-заднике Днепра на подмости выскочили простоволосые танцовщицы в зеленых одеждах и пустились в пляс. Вслед за ними из рукотворных театральных вод вылез дед в длинной рубахе и заслушался, внимая девичьей песне.

Резко, словно желая вырвать себя из этого дня, часа и мига, бледный молодой человек в рединготе а-ля шевальер вскочил с деревянной скамьи и, выронив цилиндр, выбежал из душевного театра. Его спутница поспешила за ним, но отстала и отыскала кавалера не сразу. Он стоял на улице покрытый холодным потом, пытаясь расстегнуть неприлично дрожащими пальцами пуговицы на узком жилете. Даша Чуб встала рядом с ним, у стены с разрисованной от руки театральной афишей.

Опера во многих явлениях на малороссийском наречии
в двух действиях
под заглавием
«Украинка, или Волшебный замок»

Первое в истории Киева здание Театра с шестью белыми колоннами и полукруглым окошком над входом напоминало классическую усадьбу старосветских помещиков. На его деревянной крыше бескомплексно росли мох и грибы. Площадь, названная в его честь Театральной, даже не подозревала пока, что станет когда-нибудь Европейской не только по названию. Вокруг театра разместилась противная, вязкая, не просыхающая лужа-болотце, цепляющаяся за колеса экипажей. Подоткнув подол, утопая колоннообразными босыми ногами в грязи, баба в грязной вышитой рубахе как раз толкала сзади телегу, на коей восседал ее муж.

Построенный на бойком месте – в самой середине главнейшей киевской дороги, соединявшей царский, аристократический, лаврский Верхний город Печерск с Нижним городом, базарным, портовым, ярмарочным, мастерским Подолом, – Театр окружали нынче лишь несколько частных домов, у одного из которых безмятежно спали три умиротворенные свинки. А справа, на будущей Крещатицкой улице, зеленели деревья обширных помещичьих усадеб, хозяева коих пристрелили бы, верно, любого, объявившего им, что вскоре на месте их тихих обширных загородных садов и тенистых беседок в безлюдной Крещатой долине проляжет «улица 100 магазинов».

– Ну и рвет меня. Ну и рвет... – сказал бледно-желтый, как днепровский песок, молодой человек в рединготе а-ля шевальер. На лбу его густо выступил пот, глаза были бездонными от глубокого и необъятного страха. – Как, говоришь, называется эта дурь?

– Акшад. Классный наркотик.

– Это бомба! Я хоть вернусь? Я не вижу реальности... Ты тут? Или ты тоже глюк?

– Тут я. – Даша Чуб нетерпеливо поправила лиф модного в 1823 году клетчатого платья с поясочком под грудью, расправила перчатки с серебряными кнопочками, стерла с одной из них местную «болотную» грязь и по-хозяйски взяла кавалера под руку. – Все. Идем... Я тебе говорила, лучший способ вернуться в реал – совершить какое-то законченное действие. Например, досмотреть спектакль до конца.

– Спектакль? Мы ж уже все пропустили...

– Какое там! – присвистнула Чуб. – Это ж украинская драма. Спорим, они до сих пор прощаются там навсегда...

* * *

– Вот так я его и развела. – Даша придвинула к себе тарелку оладушек с таким сияющим видом, будто получила заслуженную награду от правительства. – Все по твоему рецепту, Катя, как ты говорила... Сунула ему в рот аскорбинку, сказала, что это бомбовый новый наркотик. Не продается нигде, есть у одной меня... А потом потащила мальчика в Прошлое. На оперу в театр.

Расположенный на открытой террасе ресторан был полупуст, да и столик трех Киевиц не случайно стоял в отдалении от прочих. Впрочем, Чуб говорила без стеснения не по этой причине, а потому что забывала стесняться везде и всегда:

– И кстати, прикольная опера. Мне про нее еще в Глиэра рассказывали...

– Ты в своем уме? – Екатерина Михайловна Дображанская со стуком отложила вилку и нож. – Открывать людям правду – Великий запрет. Ты играешь с огнем!

– Но ведь я все время выигрываю! – отпарировала Землепотрясная Даша. – Он абсолютно уверен, что это безумные глюки. Пойми, мы поспорили... Он жуткий мажор: папа – миллионер, мама – снобистская стерва. Я ему: «Между прочим, не все можно купить за деньги». А он как начал смеяться: «Тебе сколько лет? В жизни не слышал такой отстойной банальности, только в кино...» И теперь постоянно подкалывает. Говорит, покажи хоть одну вещь, которую за деньги не купишь, и, обещаю тебе, я ее куплю. А покажешь мне три, брошу все и пойду работать на бензоколонку. Вот я и показала... Пусть попробует купить это!

– Твои вечные споры не доведут до добра, – пасмурно сказала Катя.

– Да нет, он вообще-то хороший, – заспорила Даша на этот раз с самой собой. – Образованный. Много читает. Знает три языка. Правда знает! Английский, немецкий, французский. И умный... И занимается спортом. Но та-акой противный, такой гадкий мажор. Только скажет что-то, меня аж трясет. Мы в клубе с ним позавчера познакомились, и он сразу...

– Ты хоть понимаешь, что рискуешь не только собой, но и нашей властью, моею, Машиной – властью всех Киевиц? Ты – эгоистка. – Руки Кати, отягощенные десятью массивными магическими кольцами, угрожающе легли на стол.

– Вот только не вздумай, – погрозила Даша Чуб пальцем Катиным кольцам, – применять на мне свою магию. Я – Киевица!

Катерина посмотрела на младшую из Трех, желая прояснить ее мнение, прежде чем вынести Чуб окончательный вердикт. Но Маша Ковалева, оказывается, вовсе не слушала их – сидела, положив подбородок на руки, с отстраненным кисло-постным лицом над нетронутым завтраком, и Катя мигом забыла про Дашу.

– Маш, что с тобой?

– У тебя что, зуб болит? – расшифровала ее выражение Чуб. – Кстати, у Киевиц могут болеть зубы?

– Не могут. Все нормально. – Маша быстро тряхнула выющимися рыжими волосами, вырываясь из собственных мыслей. – Я просто задумалась.

– Точно нормально? – прояснила ситуацию Катя. – С твоим сыном все в порядке? Кто с ним сейчас? Мир?

– Папа. Он любит нянчиться с внуком. У нас и Кадетская роща под домом, удобно – есть, где с коляской гулять. Папа, походу, и сам отдыхает, сидит на скамейке, газету читает. Миша спит. Он очень спокойный мальчик...

– А это что у тебя? – Чуб схватила соседку за рукав рубашки. – Ты где так заляпалась?

– А-а... это воск, – принялась соскабливать желтоватое пятнышко Маша. – Я утром в церкви была. Николы Мокрого. Знаете, Церковь на воде...

– Потому он и называется «мокрым»? – Чуб засунула в рот последний оладушек.

– Не совсем. То есть Николаевскую церковь действительно прозвали так из-за воды. Это не официальное – скорее народное название. А в остальном... Вы что, правда не знаете? – оживилась от удивленья студентка исторического факультета.

– Нет, расскажи, – проявила неподдельный интерес Катерина.

– Сказ про Николу Мокрого – одна из древнейших легенд о чудесах Святого Киева, – начала Ковалева. – Образ Николая в Софийском соборе считался самой древней иконой святого на всей Руси. И чудо, сотворенное им в Киеве, было первым его дивным деянием на нашей земле. Давным-давно, в XII веке, некие благочестивые муж и жена отправились на лодке из Киева в Вышгород. По дороге жена задремала и выпустила из рук их маленького сына. Мальчик упал в воду и утонул. В отчаянии родители принялись упрекать святого Николая, покровителя путешественников, мореплавателей и малых детей, в том, что он не уберег их малыша. Но затем раскаялись и обратились к нему с чистосердечной молитвой... На следующее утро, еще до того как рассвело, пономарь собора Святой Софии внезапно услышал в темноте детский плач. Утопшего младенца нашли на хорах – мокрым от воды, но живым и здоровым, лежащим под иконой святого Николая. После этого образ и прозвали Николой Мокрым. Столетиями его считали одной из первейших киевских святынь. А сам сюжет о чудесном спасении младенца был изображен на другой иконе – в Макариевской церкви на Подоле...

– И эта моклая икона по-прежнему там, в Софийском соборе? – косноязычно спросила Чуб. Землепотрясная так вдохновилась рассказом, что даже забыла прожевать свой оладушек.

– Нет, – печально вздохнула Маша, – пропала во Вторую мировую войну. А в 1973 году нашлась, но уже в Нью-Йорке, в Бруклине, в православном храме Пресвятой Троицы. Когда большевики начали взрывать церкви, чудотворный образ спрятали добрые люди, а в войну один из священников-хранителей вывез ее в Америку...

– Здрасьте, приехали!

Даша решительно проглотила остатки еды, округлила глаза и объявила:

– Мне это как-то абсолютно не нравится! Если он хранил ее все эти годы, то должен обратно вернуть. А если не возвращает, значит, уже не хранил, а упер. Разве она по закону не наша? Разве нельзя ее как-то забрать? Слушайте, а давайте этим займемся... Если че, колданем и вернем! Тем более что у нас сейчас отпуск.

– Что-что? – сбилась Маша. – Какой отпуск? Откуда?

– Собственно, это мы и хотели с тобой обсудить, – сказала Катерина. – Вчера на нашем с Дашей дежурстве Киев показал нам не слишком понятное видение. Труханов остров, пляж, воду, песок. Я считаю, это – очередное задание. А Даша уверена...

– Ежу понятно, Город сказал: «Отдыхайте!». Но неподалеку, не выезжая из Города. Черт, – озадачилась Чуб. – Как же нам тогда в Бруклин слетать, стырить икону? В смысле не стырить – вернуть по-хорошему. Ну, а если не выйдет...

– Что ты об этом думаешь, Маша? – спросила Дображанская.

– О предложении выкрасть икону? – уточнила студентка.

– Нет, о нашем задании.

– Думаю, – сказала Маша, – выяснить, кто из вас прав, можно лишь опытным путем. Давайте просто сходим на пляж и посмотрим...

– Судя по расположению солнца в видении, – припомнила Катя, – мы должны быть там примерно в двенадцать дня. Встретимся за час у моста.

– Только, пожалуйста, Кать, – вскинулась Чуб, – сними с рук свои музейные цапки. Ты ж будешь в них на пляже как новогодняя елка в июне. А мы с Машей будем как две дуры, которые пришли на пляж с елкой. Да, и не забудьте еду!.. Давайте устроим пикник! Я возьму лук и картошку...

* * *

...картошка, лук, сало, огурцы, помидоры, вино в плетеной бутылке, в общем, все-все, что взяла Даша Чуб, пришлось двум Киевицам по нраву. За исключением одного прихваченного ею громоздкого предмета – помянутого выше мажора, которого спорщица зачем-то прихватила с собой.

Презентованный «сын миллионера и стервы» показался Маше обычным парнем среднего роста, приятной наружности, в столь же обычных джинсах, футболке, бейсболке. Разве что взгляд, одновременно скучающий и самоуверенный, отличал его – больше ничего. Даже то, что в первый же миг этот взгляд прилип к черноволосой красавице Кате, было совершенно в порядке вещей.

– Сумасшедшая, – быстро прошипела Дображанская в сторону Даши, улучив подходящий момент. – Ты хоть знаешь, кто его папа?

– Знаю. И что? – вскинула подбородок Землепотрясная.

– А ты знаешь, что его отец знает меня? У нас пересечения по бизнесу... Его сына не может здесь быть! Быстро отошли его. Мы на задании.

– Мы в отпуске! – отфутболила Чуб. – И если я не права, то съем свою шляпу.

– У тебя нет шляпы.

– Тогда съем тарелку перловой каши. Это еще гаже.

Машу Ковалеву, в свою очередь, тоже ждал шок. Пляж, презентованный Киевом, оказался нудистским. Ничуть не смущаясь своей пухлой фигуры, объемной груди и животика-мячика, Чуб скинула одежду, проворно разложила подстилку и скатерть, распаковала еду. Во всех ее движениях сквозило позерство, кокетство и неприкрытое желание понравиться. Из чего следовал вывод: свои отношения с мажором она не собирается ограничивать спором.

Маша предпочла остаться в купальнике. Катя и подавно ограничилась тем, что сбросила легкие сандалии, оставшись в широком и длинном белом платье простого покроя. Единственное, что Катерина сочла нужным обнажить, были пальцы. Как ни странно, она прислушалась к просьбе Чуб или попросту к собственному здравому смыслу – на руках ее не осталось ни колец, ни перстней. В окружении деревьев и воды, раскомплексованных мальчишек и девчонок в роли бриллиантово-золотого идола Дображанская и впрямь смотрелась бы вызывающе странно.

Прямо перед ними резвилась стайка пацанят. Все они явно сбежали на речку из одного двора, где царили порядки собачьей стаи и все ребята, вне зависимости от их роста и возраста, сбивались вокруг одного вожака. Младшему из купающихся было лет десять, старшему – лет пятнадцать. Он, похоже, и был главарем. И именно из-за него, точнее одной его части, уже полностью оформившейся, удивительно крупной, Маша смотрела исключительно налево, на сказочного вида иву со скрученным в узел стволом. Направо, прямо и даже назад смотреть было неприлично.

Мажор, аттестованный Чуб Николаем, тоже разделся догола, но демонстративно сел сзади – поодаль от них. Чуб сразу переместилась туда, и меж ними немедленно произошло возгорание в виде очередного жаркого спора.

– ... Смешная ты! Конечно, это можно купить, – вразяжку вещал он. – У нас под Киевом десять гектаров такого добра. Вот тебе речка, вот песок, вот деревья... А голых девок нагнать – не проблема.

– Нагнать? – Чуб говорила быстро, глотая буквы, звеня от азарта. – Это ж все равно что секс с проституткой. А это, здесь, все по любви. В чем разница? В состоянии души. А состояние души – не купишь!

– Если у мужчины есть деньги, по любви девки тоже охотно раздеваются, – он был совершенно искренен – неподдельно равнодушен, непритворно циничен. Видно, впрямь успел узнать цену «романтической» любви.

Николай качнул подбородком, указывая на соседнюю бухточку – туда, где за недостаточным густым, выбежавшим в воду кустом, плескались пять нагих девушек. Туда, куда постоянно косились мальчишки. Стоя по колено в воде, девицы играли в мяч, – не слишком умело, но заразительно весело, с визжаниями, криками, брызганиями и щекотаньем друг друга. Они были похожи на студенток или абитуриенток, сдавших, наконец, все экзамены и запоздало дорвавшихся до вожделенной летней свободы, еще не надеванной взрослости и отпускных приключений. Их неуспевшие загореть тела, перламутрово-белые, казались оттого еще более беззащитно-прельстительными.

Внезапно сиреневый мяч девушек плюхнулся в мальчишескую бухту. С шумом и уханьем старший мальчишка бросился к нему, схватил, поднял над головой, но не бросил – крикнул.

– А можно с вами? – на лице пятнадцатилетнего застыла смесь хулиганской наглости и подростковой неуверенности. В голосе звякнуло желание.

Девушки дружно засмеялись.

– Ну попробуй, рискни здоровьем... – задиристо и немного надменно сказала ему полнотелая блондинка с наглыми сизыми глазами.

В мгновение две бухты стали двумя баскетбольными командами. Хотя на спорт это походило мало. Мальчишки то хамски пялились, то резко отводили глаза от голых грудей и других то и дело вынырывающих из воды девичьих прелестей. Одни краснели и от стеснения держались в стороне, почти не принимая участия в игре, другие вели себя нарочито нахально. Старший, пятнадцатилетний, конечно же почитавший себя абсолютно взрослым мужчиной, пытался заигрывать с наглоглазой блондинкой и постоянно держаться к ней ближе, чтобы ненароком коснуться или нарочно и нагло пощупать. Блондинка, конечно же почитавшая его молочным мальцом, держала себя высокомерно. Девчонки непрерывно хихикали, показывая, что ничуть не стесняются малолетних «младенцев», лишь забавляясь их обожанием...

Нежданно наглоглазая беловолосая бестия посмотрела прямо на Николая и сделала ему зазывный жест рукой, приглашая: «Давай с нами!». Чуб вздрогнула, взъерошилась от возмущения. Но главный удар ожидал ее не справа, а слева.

– Я думал, – мажор не счел нужным понизить голос – как и Даша, он просто не привык думать о том, слышат ли его окружающие и что они думают об услышанном, – ты предложишь мне что-то покруче. Ее, например... Это же Дображанская? Катя? Вот если она ша-а-с разделется, я соглашусь – такого действительно за деньги не купишь. Во всяком случае, никому пока не удавалось...

Это был удар ниже пояса, выстрел в спину – нечестный и некрасивый. Лицо Катерины сделалось каменным. Маша, сидевшая к ним обоим спиной, не видела лиц, но ее щеки немедленно покраснели от обиды за обеих подруг. Чуб хлопнула губами.

– Ах вот как?.. Вот как? – обида разрасталась, как дрожжи. – Так тебе больше нравится Катя? Или эта купальщица?! Ну так иди к ней! А я тебе еще покажу...

– По-моему, ты мне уже все показала. Меня не впечатлило, – оставшийся невозмутимым мажор равнодушно осмотрел Дашину обнаженность от носа до пяток, дернул плечом и встал с подстилки, намереваясь присоединиться к водной игре.

– Что-что ты сказал?! – взметнулась Чуб. – Ну... пеняй на себя!

Николай направился к речке.

Наглоглазая блондинка еще не знала, что в полку ее поклонников прибыло. Мяч залетел на глубину, и она плыла к нему бодрым брасом наперегонки с пятнадцатилетним ухажем. Девица приплыла первой, но юный соперник обхватил ее сзади, навалился, не слишком усердно пытаясь отобрать мяч и очень усердно прижимаясь к ней всем телом.

– Перестань меня лапать! – взвизгнула девушка. – Ой!.. Да у тебя же стояк... Ах так!

Она нырнула и скрылась под водой. Как по команде, вслед за ней нырнули оставшиеся четыре девчонки.

– Уй... – вскрикнул пятнадцатилетний приставала. Блондинка дернула его снизу за ноги.

– Ай...

– Ой...

– У-й...

– А-я-а...

Один за другим мальчишки исчезли под днепровской водой. Стало неестественно тихо. Сиреневый мяч плыл по поверхности.

Прошла еще секунда, за ней вторая и третья.

– Не нравится мне... – произнесла Катерина.

А Маша, по-прежнему смотревшая в другую, не нагую, сторону, не смогла увидеть, как Даша Чуб изменилась в лице, вскочила на ноги, схватила открытую баночку с хреном и резко, решительно швырнула ее в воду.

Крохотная банка произвела эффект разорвавшейся бомбы. Сразу же в нескольких местах вода стала столбом, послышался многоголосый девичий стон, а затем на поверхности стали появляться мальчишеские головы – одна, другая, третья. Отплевываясь, откашливаясь, суча руками, испуганные недоутопленники ринулись к берегу. Через минуту-другую все они, включая и старшего, были уже на безопасном песке.

– А где... Где они? – просипел пятнадцатилетний пацан, всматриваясь в водную гладь.

– Где девушки?! – испуганно продублировал вопрос Дашин мажор, замерший на берегу легендарным соляным столбом. – Они утонули? Ты убила их? Банкой? – Он с ужасом посмотрел на Дашу.

– Одним ударом! Всех пятерых. – Чуб сложила руки на обнаженной груди. – Ну, можешь увидеть такое за деньги?

– Это было убийство? – попятился он. – Или самоубийство? Они утопились? – Глаза Николая вновь стали ошалело-безумными. – А если бы я пошел к ним?

– Скажи, что я выиграла!

– А н-ну п-шли все домой! – гаркнула Катерина на прибитых мальчишек, толпящихся на берегу и испуганно вглядывающихся в успешную помертветь непонятную, страшную воду. И нечто, сверкнувшее сталью в темных глазах Киевицы, заставило их стайей броситься в бухту, схватить одежду и кинуться прочь.

Дображанская проводила их взглядом.

– Они малые. Даже если расскажут, им все равно не поверят. Что же касается тебя... – повернувшись к Николаю, Катя отпечатала на его лице великолепный удар левой рукой, профессионально отсылая мажора в нокаут.

Парень бесчувственным мешком упал на песок. Глаза Кати обратились к Даше:

– А теперь быстро объясни нам, что это было?

– А вы не догадались? – хмыкнула та. – Русалки. А они, как известно, боятся полыни, хрена и чеснока.

– Все верно, – сказала Маша, так и не успевшая уловить происходящее, но точно ухватившая главное. – Ведь нынче Русалии... Русалья неделя!

* * *

Проведу я русалочок до бору,
Сама вернуся додому! —

журчала песня.

Проводили русалочки, проводили.
Щоб до нас вже русалочки не ходили,
Да нашого житечка не ламали,
Да наших дівочок не лоскотали.

Высокая девка – в длинной изумрудной хламиде и мало соответствующих наряду черных кроссовках – танцевала. Ее распатланные зеленые волосы из крашеной соломы тихо шуршали, на макушке сидел пышный венок, увитый самовильскими травами, на поясе нежно звенели серебряные колокольчики. Девка была большеногой и плечистой и на поверку даже не была девкой – на лужайке отплясывал высокий накачанный парень с наглым оскалом улыбки.

Ідіть, ідіть, русалочки, ідіте,
Та нашого житечка не ломіте.
Та наших дівочок не ловіте.
Бо наше житечко в колосочку,
А наші дівочки у віночку... —

песня оборвалась на полуслове.

Раздался резкий ведьмацкий визг. Зеленоволосый сорвался с места – побежал. Колокольчики затрещали тревожной сиреной. За парнем неслись три десятка ведьм в венках из столь нелюбезной русальему роду полыни.

Киевицам, наблюдавшим за погоней с высоты небольшого холма, было видно, как парень резво бежит впереди, на большом расстоянии от преследовательниц. Достигнув реки, бегун ловко вскарабкался на дерево, затем, словно заправский Тарзан, перескочил на другое, на третьем, третьем наклонилось, позволяя ему прыгнуть на противоположный берег... Растерянные охотницы замерли.

– Не-а... Все равно не уйдет, – убежденно сказала золотоволосая девушка с дивными, василькового цвета глазами. Она походила на ангела, но, несмотря на ангелоподобность и юность, была правой рукой – первой помощницей – Главы Киевских ведьм.

– Все никак не можем найти претендента на главного Русальца, – пожаловалась Акнир Трем.

– Русальца? – любопытно распахнула глаза Даша Чуб.

– По нашей традиции русалкою может быть только мужчина. А, как вы знаете, в нашем ведьмацком ведомстве их немного.

– Выходит, по традиции на праздник Русалий ведьмы загоняют в воду мужчину, обряженного русалкой, – подытожила Катя. – И что это значит?

– Ничего хорошего, – сказала Акнир. – Это значит, что когда-то мы поссорились.

– Кто с кем?

– Земля и Вода друг с другом.

– Почему?

– Говорят, Землю и Воду рассорили люди, когда начали пытаться ведьм водой. Знаете, как инквизиторы проверяли, является ли женщина ведьмой? Бросали ее в реку. Если выплывет и сумеет удержаться на поверхности, значит, точно колдунья. Ибо вода – символ чистоты, выталкивает на поверхность все нечистое, включая и нечисть вроде нас вами. Ну а если женщина утонет, значит, точно порядочная... была. Упокой Господь ее душу.

– Я так понимаю, варианта спастись у подозреваемых не было, – заметила Катя.

Даша Чуб прислушалась. Неподалеку от них четыре молодые ведьмы плели венки. Под мышками у них были привязаны пучки пахучей полыни.

– Ромашка, незабудка... – приговаривала одна. – Ах, как я люблю гадать на Зеленые святки. Даже больше, чем зимой...

– Не забудь вплести трипутник, – вторая протянула подруге обычный подорожник с приговором: «Трипутник-попутник, живешь при дороге, видишь малого и старого, скажи моего суженого!» – и вдруг засмеялась. – А люди такие смешные. Одна, я сама слышала, спутала подорожник с лопухом и говорит: «Лопушок, лопушок, скажи, где мой женишок!»

Обе ведьмы заржали. Но Чуб заинтриговал вовсе не приговор – разговор другой пары подружек. Их собранные и разобранные в аккуратные пучочки цветы и травы лежали нетронутыми. Забыв про венки, третья ведьма горячо говорила четвертой:

– ...сама видела, он повсюду за ней летает. На то я и веда, чтоб ведать. Говорю, влюблен в нее Левый как кот в сметану.

– Выходит, пророчество сбывается? – тревожно спросила четвертая. – Когда в Киев придут Трое, Тьма возлюбит Свет, и они примирят Небо с Землей... Что ж тогда будет?

– Не быть этому – Свету и Тьме не быть вместе, – убежденно сказала третья. – Коли они сольются, один погубит другого. От света тьма исчезнет. Или от тьмы исчезнет свет.

Землепотрясная быстро посмотрела на Машу. Но та стояла, обняв себя обеими руками, точно ее бил озноб, и наблюдала за русальными бегами с незаинтересованным видом человека, страдающего от ноющей боли.

– Слушай, у тебя точно все в порядке? – прищурилась Чуб. – Может, у тебя не зуб болит, а живот? Или это послеродовая депрессия?

– Все хорошо, – не изъявила желаний пожаловаться Маша. – Прости... – Студентка поспешно перевела взгляд на Катю, внимательно слушавшую рассказ Акнир.

– ...так вода стала как бы святой, – продолжала золотоволосая ведьма. – Сами знаете, святая вода существует, а святой земли, с точки зрения ваших попов, не бывает. Но раньше все было иначе... Люди поклонялись родникам и озерам, как богам. Вилы – русалки – сопровождали нашу Великую Мать, богиню Макош. Они были неразделимы.

– Знаю, – Катерина кивнула. – Макош и вилы упоминались в древнерусских летописях вместе.

– И Мать-сыра-Земля не случайно «сырая». Земля не может жить без воды, и вилы должны орошать земные поля, огороды, сады... Но потом грянул патриархат, инквизиция. Русалки стали служить Водяному – мужскому началу. В общем, теперь они нам не подчиняются – ни ведьмам, ни даже вам, Киевицам. Особенно на Зеленые святки и в Русалью неделю. В старину девкам и малым детям запрещалось ходить в эти дни одним на реку, в поле и в лес. Русалки пытаются заманить их к себе. Еще любят завлекать чужих мужиков – мужей и женихов, чтоб утопить или зачекотать их насмерть...

– Катя, дай мне, пожалуйста, свой телефон, – озаботилась Маша. – Нужно позвонить папе. Пусть он сегодня не ходит с Мишей гулять в Кадетскую рощу.

– Неужто они посмеют украсть ребенка самой Киевицы? – подняла брови Катерина. – Хотя если они пытались утопить десяток детей прямо у нас под носом...

– И кадрить моего жениха! – обиженно встряла Даша.

– Он тебе такой же жених, как и я, – сказала Катя. – Но в целом ты абсолютно права. Все это уж слишком неприкрытое хамство.

– Согласна. Уж слишком, – посерьезнела помощница Главы Киевских ведьм. – Хамство – самый тревожный сигнал в вашей истории. Вряд ли Город призвал вас спасти горстку слепых. На Русалью неделю всегда тонет много людей. Это, можно сказать, тоже традиция, на которую мы закрываем глаза... А вот делать это на глазах у Трех Киевиц – сродни демонстративному дипломатическому скандалу. И за этой демонстрацией что-то стоит. Что-то опасное... Их Большак распоясался и дает вам понять это.

– Большак?

– Водяной. Дедушка. Князь Воды, – растолковала Акнир.

– Так это не сказки? – слегка приподняла недоверчивую левую бровь Катерина. – Там, под водой, живет некий дед?

– Конечно, живет, – закивала Даша. – И ща у него как раз именины. Помнишь, – повернулась она к Маше, – я тебе это рассказывала, когда купальский вечер в своем клубе готовила?

– А что ты еще знаешь? – заинтересовалась Акнир.

– Как гадать на венках, на воде, на котле и метле...

– А про хрен и полынь где слыхала?

– Недавно в театре была... А еще я знаю, что на Русалью неделю некрещеным и без нательного креста опасно купаться. И вообще, если честно, купаться не стоит – Водяной или вилы утащат к себе. Все, что на его именины опускают в воду, Князь Воды считает своим подарком.

– Подарком... Ты сказала «подарком»? – Акнир коротко охнула. И вдруг нервно-опасливо завертела головой.

Кроме них на холме не было уже никого. Пока они говорили, охотницы успели поймать плечистого Русальца. Прочие ведьмы, бросив венки, присоединились к охотницам. Теперь с дружным хохотом девушки волочили добычу по направлению к реке.

– Его что, утопят? – обеспокоилась Даша.

– Аль мы слепые, чтоб кланяться Воде дорогими дарами? – излишне громко и пафосно заявила Акнир. – В старину русичи каждый год топили в Днепре девушку, принося ее в жертву Водяному. Позже – топили соломенное чучело, еще позже – перловую и пшеничную кашу... – внезапно ведьма перешла на быстрый и нервный шепот. – А еще, говорят, что, став над Киевом, каждая Киевица должна принести Водяному подарок.

– А что случилось? – Катя наклонилась к помощнице Главы Киевских ведьм. – Почему ты шепчешь? Это секрет?

– Официально между нами вражда, – пояснила Акнир. – Ведьмы не признают власть русалок и их Большака и не считают нужным склоняться пред ними. Потому официально все Киевицы всегда утверждали, что отказались принести жертву. Но им никогда не верили. И всегда гадали, что именно ими было принесено... тайно. Например, в конце XIX века, после весеннего наводнения, Гидропарк внезапно стал островом. Вода отделила его от Левого берега. Но у нас говорят: тогдашняя Киевица сама подарила эти земли Воде...

– А что подарила Воде твоя мать? – спросила Дображанская.

– Я не знаю.

– Но ты-то должна знать, – сказала Катя. – Ты – дочь Киевицы. Ее Наследница.

– Если вы помните, я так и не стала ею. Мама погибла, не успев передать мне все знания. Помню только, однажды она сказала, что, как ни странно, слепые правы: Водяной действительно любит жить под мельницей, где колесо вымывает для него глубокие ямы. Потому люди всегда считали мельников колдунами.

– Под мельницей? Сколько же в Украине осталось мельниц? – задумалась Чуб.

– Чем меньше, тем лучше, – отрубила Катерина. – Тем легче нам будет найти ее.

– И еще, – сказала Акнир, – я тогда спросила ее, на какой реке стоит мельница, где живет Водяной. А мама сказала: «Она не на реке...»

* * *

– Под мельницей, но не на реке. Где же тогда? На море? Но разве водяные мельницы ставят на море? Ведь их крутит течение... Мне кажется, мельница на море – это то же самое, что мельница нигде... Но, может, я ошибаюсь? – Маша Ковалева захлопнула очередную книгу.

– И какого-такого рожна мы вообще должны приносить ему жертву? – возмущенно выдала Даша.

– Именно так! – согласилась Дображанская. – Разве мы ниже его?

Круглая, наполненная жарким солнцем и кипящими спорами Башня Киевиц на Ярославовом валу, 1 походила на ведьмин котел. Маша Ковалева без устали листала всевозможные справочники. Катини пальцы танцевали по клавиатуре ноутбука, пытаясь выудить истину из пучин Интернета. Даша же сидела на диване с Книгой Киевиц на коленях и плоской перловой каши в руках, бурля одновременно от отвращения и возмущения.

– Не ниже, – сказала Маша, не отрываясь от книги. – Но, возможно, и не выше. Если он повелевает Днепром и прочими реками, включая 300 подземных рек Киева, по силе мы равны. Можно считать, что это обмен подарками глав государств. И одновременно договор о ненападении.

– И что ты предлагаешь подарить ему? – вспыхнула Чуб. – Девушку? Найдем красотку и бросим в реку?

– Ни в коем случае! – хранительница Башни – белая кошка Белладонна – выпрямилась на каминной полке с видом кошачьего Будды.

Ее напарница, рыжая Изиди Пуфик, вытянулась на ковре в позе «не уходи, побудь со мною», нежно сжимая передними лапами Дашину ногу и полностью обездвижив хозяйку. Последний представитель кошачьей троицы, черный кот Бегемот, по своему обыкновению, отсутствовал.

Маша немедля опустила словарь и с надеждой уставилась на белую кошку. Когда та открывала рот, она была лучше любой энциклопедии, но, к сожалению, делала она это не так часто, предпочитая отвечать на вопросы непроницаемо-мудрыми истинами.

– Утопить обычную девушку – это слишком мало. Таким мелким подарком вы лишь оскорбите его, – назидательно сказала Белладонна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.